УДК 821.112.2-31(Шмидт А. Й). DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-148-155.
ББК Ш33(4Гем)64-8,444.
ГРНТИ 17.07.21. Код ВАК 5.9.3

## *К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Э. Т. А. ГОФМАНА*

# О «ТРЕТЬЕМ ТОМЕ» «ЖИТЕЙСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ КОТА МУРРА»: «КОШКА КУЗНЕЦА» (“SCHMIEDS KATZE”, 2025) А. ШМИДТА

**Кудрявцева Т. В.**
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8279-8639
SPIN-код: 6734-0076

*Аннотация.* Статья посвящена современной рецепции романа Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» в книге немецкого писателя А. Й. Шмидта «Кошка кузнеца» (“Schmieds Katze”, 2025). Вводя в научный оборот этот новый «ремейк» произведения немецкого классика, автор статьи знакомит читателя с замыслом и содержанием книги Шмидта. Главная героиня – вымышленная родственница кота Мурра из будущего. В работе раскрываются художественные особенности произведения: прослеживается связь кошачьей истории с претекстом (двойничество, поэтика фрагмента, пародия и др.), а также анализируется повествовательная техника новейшей немецкой прозы (метаповествование, интертекстуальность, автосоциобиография, региональный текст и др.). Отмечается, что текст книги состоит из отдельных мини-историй краеведческого характера, в которые вплетаются нити более широких связей, в том числе за счет многочисленных отсылок и реминисценций к произведениям мировой литературы и фольклора. К особенностям идиостиля автора относятся композиционные разрывы, резкая смена манеры повествования и смешение жанров. В статье показано, как Шмидт расширяет пространственные границы фикционального мира: он контаминирует в разных вариациях сюжеты и жанры разных эпох и народов, создавая новый мир «постмодернистской сказки». При этом прослеживается перекличка с художественным методом Э. Т. А. Гофмана, в частности с осмыслением разницы между художественной субъективностью и объективной реальностью. Особое внимание уделено актуальности содержания книги: в ней представлены разные формы социальной экзистенции в привычной, но одновременно меняющейся среде обитания. Акцент сделан на проблемах локальной идентичности (в экономическом и культурном измерениях), коллективной памяти и др. с точки зрения современного немецкого регионализма. Геопоэтика выступает при этом главным способом художественного освоения пространства в произведении Шмидта. Пространство раскрывается в широком спектре проявлений – экологических, исторических, культурных (язык, фольклор, литература, памятники) и политических (в том числе через переоценку идеологических ценностей, в частности через отрицание неолиберализма). Кроме того, в статье отмечается использование автором ключевых положений философии экзистенциализма, которые сохраняют актуальность в опыте современного человека XXI в.

*Ключевые слова:* немецкая литература; немецкие писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; романы; Э. Т. А. Гофман; рецепция; претекст; микроистории; поэтика фрагмента; автосоциобиография; А. Й. Шмидт

*Для цитирования:* Кудрявцева, Т. В. О «третьем томе» «Житейских воззрений кота Мурра»: «Кошка кузнеца» (“Schmieds Katze”, 2025) А. Шмидта / Т. В. Кудрявцева // Филологический класс. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 148–155. – DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-148-155.

# ABOUT THE “THIRD VOLUME” OF “THE LIFE AND OPINIONS OF THE TOMCAT MURR”: “THE SMITH’S CAT” (“SCHMIEDS KATZE”, 2025) BY J. SCHMIDT

**Tamara V. Kudryavtseva**
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8279-8639

*Abstract.* The article focuses on the contemporary reception of E. T. A. Hoffmann’s novel *The Life and Opinions of the Tomcat Murr* in the book *The Blacksmith’s Cat* (Schmieds Katze, 2025) by the German writer J. Schmidt. Introducing this new “remake” of the masterpiece of the German classic into scholarly discourse, the author of the article acquaints the reader with the concept and content of Schmidt’s book, whose protagonist is a fictional future relative of Tomcat Murr. The article highlights the artistic features of the work: it traces the connection between the cat story and its pre-text (doppelgänger motif, poetics of the fragment, parody, etc.) and analyzes the narrative techniques of the latest German prose (meta-narration, intertextuality, auto-socio-biography, regional text, etc.). It is noted that the text consists of individual local-history mini-stories interwoven with the lines of broader connections, including numerous references and reminiscences to works of world literature and folklore. The distinctive features of the author’s individual style include compositional disruptions, abrupt shifts in narrative tone, and blending of genres. The article demonstrates how Schmidt expands the spatial boundaries of the fictional world: he contaminates plots and genres from various eras and cultures in different variations, creating a new world of “postmodern fairy tale”. Concurrently, the article traces an echo of Hoff-

© Кудрявцева Т. В., 2026

mann's artistic method – and specifically, accompanied by the conceptualization of the gap between artistic subjectivity and objective reality. Special attention is paid to the relevance of the book's content: it presents various forms of social existence within a familiar yet changing environment. Emphasis is placed on the issues of local identity (in its economic and cultural dimensions), collective memory, etc., from the perspective of modern German regionalism. Geopoetics thus emerges as the primary method of artistic space appropriation in Schmidt's work. Space is revealed through a wide spectrum of manifestations – ecological, historical, cultural (language, folklore, literature, monuments), and political (including the re-evaluation of ideological values, specifically through the rejection of neoliberalism). Furthermore, the article reports the author's use of key tenets of existentialist philosophy, which remain relevant to the experience of the contemporary 21st-century individual.

*Keywords:* German literature; German writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary images; novels; E. T. A. Hoffmann; reception; pre-text; micro-history; poetics of the fragment; auto-socio-biography; J. Schmidt

*For citation:* Kudryavtseva, T. V. (2026). About the "Third Volume" of "The Life and Opinions of the Tomcat Murr": "The Smith's Cat" ("Schmieds Katze", 2025) by J. Schmidt. In *Philological Class*. Vol. 31. No. 3, pp. 148–155. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-148-155.

В 2025 г. Германия получила еще одну литературную столицу, а мировая гофманиана – очередного толкователя[1] творчества Э. Т. А. Гофмана. В небольшом частном издательстве «Edition Das Labor» вышла книга писателя Андреаса Йоханнеса Шмидта «Кошка кузнеца». До 2022 г. Шмидт скрывался под вымышленными именами – Андраш Яромир Вайгони / Andrascz Jaromir Weigoni и Маттиас Хагедорн / Matthias Hagedorn. Из Мюльхайма-ан-дер-Рур (город недалеко от Дюссельдорфа) издательство (тогда его курировал Хагедорн) вместе с новым автором, уроженцем Бергишес-ланд (горная местность в Северной Рейн-Вестфалии), переместилось в Нехайм (часть городской агломерации Арнсберг в Зауэрланде на юго-западе земли Северная Рейн-Вестфалия).

В Средние века в этой горной местности располагался пограничный форпост графства Арнсберг. В 1358 г. Нехайм получил статус города, входившего в Ганзейский союз. В XIX в. этот город стал крупным по тем временам промышленным центром. В 1941 г. произошло слияние Нехайма с муниципалитетом Хюстен, а в 1975 г. Нехайм-Хюстен вошел в состав городской агломерации Арнсберг. В 1983 г. район был снова разделен на Нехайм и Хюстен. По состоянию на конец 2021 г. в Нехайме проживали чуть более 23 тысяч человек [Hüsten]. Этой точке на географической карте, по сути, и посвящен текст, который с полным правом можно назвать локальным. Фактически книга Шмидта – облеченный в художественную форму туристический проспект, а сам автор – краевед с большой буквы: от его внимания фактически не ускользнула ни одна из достопримечательностей Зауэрланда (музеи, старинные храмы, замки, природные парки, заповедники и проч.).

Почему А. Й. Шмидт хотел бы рассматривать свою книгу как реализацию планировавшегося Э. Т. А. Гофманом третьего тома[2] «Житейских воззрений Кота Мурра» ("Lebens-Ansichten des Katers Murr nebst fragmentarischer Biographie des Kapellmeisters Johannes Kreisler in zufälligen Makulaturblättern". 2 Bände. Dümmler, Berlin 1820–1822)?

Несомненно, вольно или невольно читатель становится свидетелем «реинкарнации» питомца (в прямом и переносном смысле) писателя[3]. Об этом, как указывает автор «Кошки Кузнеца» [Письмо], должны прежде всего свидетельствовать многочисленные отсылки к роману, что стало основным композиционным принципом «продолжения» романа Гофмана. Сам Нехайм, несомненно, ассоциируется с гофмановским Зигхартсвейлером, который, как известно, его правитель «выронил <…> из кармана» [Гофман 2018: 9].

Шмидт не пытается предвосхитить сюжетные ходы ненаписанного романа, не следует особенностям повествовательной структуры знаменитого предшественника, в частности композиционному приему «макулатурные листы». Однако он определяет жанровую принадлежность своего текста авторским неологизмом Vertellstückers, основой которого послужило слово Bruchstück – фрагмент, первая часть в нем заменена на диалектную глагольную основу vertell- (рассказ-). Говоря современным языком, речь идет о повествовательных фрагментах, или, приближаясь к фольклору, побасенках. Как объясняет Шмидт, эти разрозненные (связанные с лат. miscella – разное, смесь) отрывки могут служить принадлежностью рубрики Gemischtes (всякая всячина), в которой публикуются короткие тексты различного содержания [Schmidt 2025: 2]. Когда-то писательская карьера Шмидта началась именно с публикации текстов подобного жанра. Однако в книге все фрагменты связаны одной темой. В предисловии Издателя, за которым скрывается писатель, сообщается, что в «Кошке Кузнеца» собраны современные мифы и предания Нехайма. Составитель ориентируется на сборник братьев Гримм, которые в своих «Домашних сказках» собрали воедино мир чудес изустной традиции своего времени [Там же].

Повествовательные фрагменты Шмидта, по его собственному признанию, относятся к получившему распространение в XXI в. жанру автосоциобиографии (Autosoziobiografie), повествовательной основой которого служит одноименное автосоциобиографическое письмо (autosoziobiografisches Schreiben). В нем, как известно, соединяются автобиографические, псевдоавтобиографические (автофикшен) и социально-аналитические [ср.: Stahl 2019] элементы повествования. Этот способ нарратации Шмидт применяет к художественному освое-

[1] См.: в частности: [Wolf 1974].

[2] О замысле третьего тома см. подр.: [Harich 1922: 280–286].

[3] См. текст некролога по поводу смерти: [Harich 1922: 284].

нию названной проблематики на материале немецкой глубинки [Письмо].

В информации о презентации книги 23 апреля 2025 г. в городской библиотеке Нехайма автор обозначил тему встречи – «Родина и принадлежность к обществу» (Heimat und die Zugehörigkeit zur Gesellschaft) [Joh]. В этих словах выражена главная идея книги, ставшая ее лейтмотивом. В вопросе, что такое родина, заложена мысль о том, как происходит утрата локальной идентичности. 5760 Нехайм (автор намеренно использует старый почтовый индекс города) – место с сильной эмоциональной нагрузкой, связанное с личным культурным опытом его жителей, сохранившимися в памяти диалектизмами, онимами, природными ландшафтами, преданиями и проч. История Зауэрланда, пишет Шмидт, знала времена самобытной уединенности малой родины. Там еще до сих пор сохранились места, где граждане живут за границами медийного пространства, имея возможность живого общения в привычной природной среде, не теряя связь с историей своего края [см.: Joh] Выступая в роли собирателя фактов, мелочей повседневной провинциальной жизни, автор книги не скрывает своих антиглобалистских взглядов.

В 1978 г. известный германист А. В. Карельский ввел в литературоведческий обиход понятие «мировоззренческая пародия», расшифровав его как художественную форму, подразумевающую использование последней для кардинального переосмысления, дезабсолютизации прежних идеологических ценностей [см.: Карельский 1978: 299–300]. В качестве примера такой модели художественного мышления, призванной «кардинально дискредитировать целое мировоззрение» [Там же: 301], он приводит «Житейские воззрения Кота Мурра» Э. Т. А. Гофмана, имея в виду, что мировоззренческая пародия как «целостная художественная структура <…> существует здесь как пародийное зеркальное отражение всей романтической идеологии» [Там же: 299]. «Пародийный смысл, – отмечает исследователь, – накладывается вторым слоем на собственно сюжетные перипетии произведения и заведомо релятивирует их» [Там же: 301]. Неслучайна отсылка советского литературоведа во времена, когда слово «модернизм» (а речь в статье Карельского идет именно о модернизме (die Moderne) как «синониме “нового”, “инновативного” искусства, отвергающего классические каноны, тематизирующего современную жизнь» [Кудрявцева 2019: 291]) считалось чуть ли не обсценным, к Ницше, уже в конце XIX в. заявившего о «переоценке ценностей», призывавшего «разрушить старые скрижали» и проч. [Карельский 1978: 302].

Шмидт, по сути, следует принципу «мировоззренческой пародии», также отражая в своей книге, как в зеркале отрицания, неолиберальную идеологию современной ему эпохи.

В сопровождении уже несуществующего почтового индекса «5760 Neheim» топоним приобретает смысловой оттенок «места нигде» (Ort nirgends) [Письмо]. Это позволяет автору раздвигать временные и пространственные границы фикционального пространства и свободно перемещаться по нему, контаминируя в разных вариациях сюжеты и жанры разных времен и народов, создавая тем самым новый мир «постмодернистской сказки» [Там же], в котором по прихоти автора встречаются герои произведений, написанных в разные эпохи.

Одним из таких героев, в данном случае героинь, наряду с другими персонажами (Лис, Волк и проч.) является «уподобленная человеку умная и образованная рассказчица» мини-историй Шмидта кошка по имени Фелин. Обитательница «этой параллельной вселенной» [Письмо], повинуясь замыслу автора, выступает в роли толковательницы событий, происходящих там по воле сочинителя.

Главная героиня «продолжения» гофмановского романа – прапраправнучатая племянница Мины Мурр, матери Кота Мурра. Фелин – говорящее имя, производное от латинского «felinus», в переводе на русский «кошачий», в значении которого присутствуют семы приспосабливаемости в широком смысле слова (ср. греческое имя Philine – привлекательная, достойная любви и дружбы). Ср. также характеристику Кота Мурра в романе Гофмана: «У упомянутого издателя есть друг, с которым он живет душа в душу» [Гофман 2018: 11], в котором он «нашел <…> особу приятного, кроткого нрава» [Там же: 13] и который не стесняется открыто заявить об этом: «<…> чтобы мир познал мои превосходные качества во всем их объеме, дивился мне, любил меня, ценил, почитал и немного обожал» [Там же: 13].

Фелин, как и ее прапрапрадядюшка («в распоряжении у которого есть ум, рассудительность» [Гофман 2018: 14], – думающая и образованная особа XXI в., чьи воззрения помогают ей понять жизнь на «Terra incognita» [Schmidt 2025: 3]. В этом медвежьем углу Фелин пытается постичь и показать (как и ее прославившийся предок и его литературный отец) разницу между художественной субъективностью и объективной реальностью. «Истинный автор» остается при этом «за кадром». Повествование ведется в третьем лице от лица Издателя, вернее Кузнеца (alter ego) писателя, у которого обитает Фелин, якобы записавшего под диктовку и прокомментировавшего «информацию», полученную от своей «собеседницы».

Жизнеописание Кузнеца словно списано с биографии самого автора-издателя. Йоханнес Шмидт родился в 1958 г. в Бергишес-Ланд. Сын художника и маляра вырос в небогатой семье. Получил профессию электромонтажника, квалификация – подмастерье. Отказался от призыва на военную службу по соображениям совести, проходил альтернативную гражданскую службу в доме инвалидов. Кузнец, следуя примеру своего реального прототипа, «будучи сталеваром, рано узнал о существовании дистанционного оружия, поэтому отказался служить в вооруженных силах и предпочел общественные работы» [Schmidt 2025: 82]. Если позволяло время, Кузнец отправлялся в Кроненберг (часть Вупперталя, главного города в Бергишес-ланд), куда он мальчиком однажды ездил со своим дедом. Кроненберг расположен на высоте

около 280 м над уровнем моря, и с «высоты еще слышен шум леса; только соловьи здесь давно уже не поют <…> Горная страна, затерянный пейзаж воспоминаний» [Там же: 83].

Позже Шмидт продолжил работать в сфере оказания помощи людям с ограниченными умственными и физическими возможностями, но уже вдали от родных мест. В 2022 г. писатель обосновался в Арнсберге, где жизнь свела его с «телепортировавшейся» родственницей Кота Мурра по материнской линии. Приняв образ Кузнеца, Шмидт (сходство звучания и значения слов неслучайно) стал для Фелин настоящим папочкой à la “Cat Daddy” [Schmidt 2025: 13].

Духовно, признается писатель, он связан с нобелевской лауреаткой, французской писательницей Анни Эрно (Annie Ernaux, *1940), которая, как и автор «Кошки кузнеца», тоже выросла в семье, отлученной от благ просвещения. В качестве примера писатель ссылается на ее книгу «Стыд» (“La Honte”, 1997), в которой Эрно обращается к непреходящему чувству собственной неполноценности, связанной с полученным в детстве негативным социальным опытом жизни в далекой от благополучия небогатой семье. «Чтобы вырваться из тесноты пролетарского окружения», он «провел значительную часть своего детства в городской библиотеке в Бергишес-ланд» [Schmidt 2025: 32]. Как и Эрно, Шмидт сумел подняться на более высокую ступеньку социальной лестницы. Он закончил университет по специальности медиапедагогика, состоялся как писатель (прозаик, поэт, радиодраматург и проч.), писал эссе, стихи, прозу и радиоспектакли [см: Vorstellung]; ср также: [Weigoni], с 1989 г. – издатель и один из авторов электронного журнала «KUNO. Kulturnotizen zu Kunst, Musik und Poesie» [KUNO], в котором не раз печатался автор данной статьи.

Цель кошки, объясняет Кузнец, – наблюдать, а не оценивать. Все ее наблюдения и выводы он связывает воедино, прошивая нитями нарратива смыслопорождающие истории, надиктованные Фелин. Как уже указывалось, текст книги соткан из фрагментарных мини-историй краеведческого содержания, в которое вплетаются нити более широких связей (как отмечает автор-издатель, в тексте среди прочего «торжествует интертекстуальность») [Schmidt 2025: 3].

В Зауэрланде Фелин освобождается от норм современного общества потребления. Она пытается понять природу времени и памяти. Язык – ее инструмент, она ежедневно точит его своими коготками (снова аллюзия на литературного предка, у которого помимо ума и рассудительности имелись и «острые когти») [Гофман 2018: 14], и задается вопросом «что значит БЫТЬ» [Schmidt 2025: 3]. При этом «ее холодный и острый взгляд буравит пространство памяти 5760 Нехайм» [Там же].

Рассказывая («поскольку ее жизнь – непрекращающийся бегущий текст (ср. также Петер Лихти. – *Т. К.*)» [Schmidt 2025: 157]) хозяину, как она чувствует себя в новой временно́й реальности («кошка всем телом ощущает свою заброшенность в мир». [Там же], Фелин «пытается с помощью “побасенок” приручить эту реальность» [Там же: 3], читай, следуя воззрениям Кота Мурра, к ней приспособиться, другими словами, знать, когда следует «быстро прятать когти» [Гофман 2018: 17]. Эта реальность лежит в Нехайме (примечательно, что топоним легко может быть заменен на любой другой в пределах современной ойкумены) «на поверхности»:

«Коммунальные службы превратили участок между Карлштрассе и Шоббоштрассе из тихого жилого района в строительную площадку. Там, где раньше кошка просыпалась от пения черного дрозда, отбойный молоток призывает заняться физическим трудом.

А под мостовой <…> только обещание лучшего будущего <…> чтобы окончательно не оторваться от западной цивилизации, начинается обновление канализации, при этом глубокое бурение отпугивает прежних обитателей подземелья, крыс <…> они спешат в подвалы близлежащих домов в поисках нового жилья» [Schmidt 2025: 4].

От читателя вряд ли ускользнет иронический подтекст подобных высказываний.

Цивилизация уже давно отвоевала землю под мостовой, поэтому городским властям приходится самим заботиться об озеленении, впрочем, представителям фауны здесь нечем поживиться: генномодифицированные деревья и кустарники не плодоносят, правда, на пустырях «щедро накрыт стол для всякого рода членистоногих» [Schmidt 2025: 5].

Кошке трудно понять такое не поддающееся здравому смыслу отношение человека к природе, например, почему в условиях глобального потепления такой ценный ресурс, как вода «прямо с неба» [Schmidt 2025: 6], попадает в канализацию [Там же]. Подобные примеры нерадивого обращения людей с природными богатствами встречаются кошке буквально на каждом шагу.

Однако главная проблема Нехайма связана с вопросами сохранения самобытности (идентичности) региона. Фелин задается вопросом, как найти баланс между растворением в глобальном пространстве и сохранением себя как наследницы культурно-природных богатств новой родины. И здесь опять приходят на память переживания Кота Мурра: «О, родина, сильна к тебе любовь! Но <…>» [Гофман 2018: 19].

С концепцией идентичности в сознании кошки неразрывно связаны слова «родина, граница и чужбина» [Письмо]. Что должна испытывать «иммигрантка» по отношению к своему новому месту обитания?

«Одним из первых уроков пришелицы, связанных с понятием “чужой”, оказалась ее встреча с урожденной зауэрландкой, аптекаршей, которая приветствовала Фелин как нехаймскую избирательницу. Хотя это было очень мило с ее стороны, Кошка поняла, что никогда не станет частью этого <…> и, конечно, зауэрландкой <…> даже если съеден обязательный “пуд соли”» [Schmidt 2025: 15].

«Родина» в Зауэрланде в глазах не местных – «это отечество, которое разучилось говорить на родном языке!» [Schmidt 2025: 15]. Для Фелин род-

ной означает литературный немецкий (hochdeutsch), общий для немцев разных регионов язык общения, с помощью которого северяне понимают южан и т. д. «Нехаймский регионалект живет искажениями» [Там же] (имеется в виду опущение или замена звуков в конце слов: «Kom'ma rübba!», «Höm'ma!» [Там же: 20]). Этот «обокраденный» язык, впрочем, имеет коммуникативное значение, делает вывод Кошка Фелин: он «<…> выражает молчаливое красноречие. Каждый вдох превращается в тихое замирание <…> невообразимость порождает невыразимость. Жители Зауэрланда редко упускают возможность помолчать. Молчание – их способ выживания, оно не обязательно должно быть беззвучным, активно создаваемая тишина может стать невыносимо громкой <…> особенно <…> когда процесс очищения застывает между строк» [Там же: 15].

Кошка открывает читателю глаза на разные формы социальной экзистенции в привычной и одновременно меняющейся среде обитания, обладающие головокружительно высокой степенью узнаваемости [Письмо].

«Реалистичность деталей, – поясняет автор, – делает мир, в котором живут зауэрландцы, пластичным, привлекательным для всех чувств, а богатый, неспешный язык, с помощью которого изображается реальность, поэтизируется» [Письмо]. Но сама реальность при этом не приукрашивается. Напротив, безжалостная натуралистичность описаний порой доводится до предела позволительного: «Иногда кошка забирается в самое темное болото человеческой экзистенции, чтобы исследовать его» [Там же].

Одно из таких мест – Эрленбрух, заболоченная местность в Арнсбергском лесу (с 1960 г. – природный заповедник), где в марте 1945 г. во временном концлагере были расстреляны 208 польских и советских граждан, угнанных в Германию на принудительные работы. «В Зауэрланде действует рациональное, трусливое и очень человеческое правило: “Смелость опасна” – “Бездействие – верный выбор”» [Schmidt 2025: 158]. Могилы жертв нацистского геноцида были обнаружены американскими военными. 3 мая 1945 г. они собрали на месте преступления 5 000 «якобы ничего не знавших» [Там же] местных жителей, которые должны были присутствовать на эксгумации. Как известно, «отрицание и вытеснение перед лицом очевидного невозможны» [Там же].

Конкретные детали, мимо которых не проходит внимательная рассказчица Фелин, объясняет автор, используются для того, чтобы пробудить в воображении читателей (прежде всего его новых земляков) атмосферу прошлого, однако, не погружаясь в него целиком, а сохраняя дистанцию (ведь они живут сегодня) [Письмо]:

«На опушке леса лежали расчлененные тела 56 женщин и мужчин. И их детей! <…>. Рядом с трупами нашли документы и личные вещи убитых… *Причастные* смотрели на мертвого младенца, череп которого был разбит, как и у других жертв» [Schmidt 2025: 159].

В 2019 г. в местах массовых убийств были проведены раскопки. Из 208 тел казненных в Арнсбергском лесу на сегодня опознаны лишь 14:

«Жизнь подвержена разрушительной силе человека. Беспощадный взгляд Фелин не лишен такта, глубокая эмоциональность – убийственного остроумия и иронии <…>» [Schmidt 2025: 159]. Ведь «Зауэрланд – *Terra incognita* <…> находящейся в поисках нормальности старой Федеративной республики, как ее называли, когда о прошлом не было еще и речи» [Там же], и кошачьи истории – это своего рода «попытка (автора. – *Т. К.*) заполнить вакуум молчания с помощью литературного воображения» [Письмо].

В качестве послесловия к тому, что осталось в памяти, Кошка сообщает:

«<…> между тем, было доказано, что заболоченные места имеют особое значение для смягчения последствий, вызванных изменением климата, поскольку они действуют как поглотители углерода <…>». Поскольку «жизнь не вернуть, Фелин надеется на гигантский прирост в лесном хозяйстве» [Schmidt 2025: 159].

Кошачий текст, как и в романе Гофмана, изобилует многочисленными отсылками и реминисценциями. Так, упоминание Фелин притчи о скорпионе и лягушке[1] выливается в мини-диспут с Рейнекелисом на тему известного бродячего сюжета:

«– Кстати, Вам известна притча о скорпионе, который всерьез подумывает о том, чтобы позволить лягушке переправить его через это озеро? – шипит Фелин опоздавшему Рейнеке <…>.

– Я смутно припоминаю басню с Ближнего Востока, – масляная улыбка тронула его губы.

“– Нет, нет! – говорит лягушка, – если я посажу тебя на спину, ты меня ужалишь, а укус скорпиона смертелен.

– А где тут, – спрашивает скорпион, – логика?” <…>.

– Скорпиону нельзя отказать в логике. Если я тебя ужалю, ты умрешь, а я утону. Лягушка поддается уговорам и позволяет скорпиону забраться к ней на спину; но прямо на середине реки она чувствует колющую боль. Она понимает, что скорпион убивает ее вопреки логике.

“– Логика, кричит умирающая лягушка, идя на дно и увлекая за собой скорпиона.

– Понимаю, говорит Скорпион, но таков мой характер”, – заключает Фелин, сопровождая слова острой, как бритва, улыбкой» [Schmidt 2025: 60].

Вывод, к которому приходят спорщики, закономерно приводит обоих к философии экзистенциализма: «Существование – это шутка или способ сойти с ума» [Schmidt 2025: 61] (ср. Ошо).

Фелин, насколько она себя помнит, одолевают вопросы: «одиночество человека, разрыв между знанием и верой, несовершенство жизни, которая грозит потеряться в мелочах» [Schmidt 2025: 63] (ср. Адольф Книгге). Она понимает, что «есть вопросы, которые невозможно решить с помощью разума» [Там же] (ср. Кант), а ведь «это как раз те вопросы,

[1] См., в частности: [Takeda 2011].

которые экзистенциально затрагивают человека <…>. В жизни должно быть больше жизни (ср. С. Сондерс), чем мотаться между работой и спящим городом» [Там же].

Тем не менее разумная Кошка предпочитает «<…> мелочи жизни <…>. Сложность существования зауэрландцев она выставляет с помощью <…> языка. “Мультимедиа” – один из синонимов для обозначения *настоящего*, это одновременно требование оставить прошлое позади и вновь приобщиться к современности. Подобно силе веры в католицизме, интернет функционирует как приводной ремень между прошлым, настоящим и неопределенным будущим» [Schmidt 2025: 62].

Вероятно, считает Кошка, «единственный выход из этого уныния – призвать целительную силу литературы, чтобы открыть для себя внутреннюю одухотворенность в поисках секулярной трансцендентности» [Schmidt 2025: 63] (ср. Гуссерль, Хайдеггер, М. Вальзер, см. также: [Hieber 2022]).

В целом повествование, построенное как хождение «по следам Кошки» [Письмо], не антропоцентрично, человек важен лишь как вид, интегрированный в экосистему. В Нехайме живут «выпавшие из времени», они «ищут утешения в старых шаблонах повествования, помышляют о чем-то постоянном» [Там же], а «предания – это стабильная субстанция в чрезвычайно нестабильные времена» [Там же]. Мифы, в свою очередь, «дают, с одной стороны, ответ на вопрос о начале всех начал, а с другой – отвечают на этические вопросы» [Там же].

В Нехайме 5760, не без доли иронии поясняет автор, объясняя технику своего письма, «<…> на глокальном уровне отражается дисбаланс в описании стратегий заимствования. В Зауэрланде отсутствует нарратив, позволяющий создать емкую картину обозреваемого, здесь скорее существуют лишь осколки смысла, которые пытаются уловить хотя бы одно призматическое мгновение и вернуть в настоящее пережитое и, казалось бы, преодоленное прошлое. Эту кажущуюся несущественной обыденность Фелин пытается облагородить речевыми поэтическими образами [Письмо]. Считая себя наследником братьев Гримм, автор «Кошки Кузнеца» – «неутомимый собиратель немецких слов, неологизмов и проч., которые не вошли в словарь, названный в честь Конрада Дудена» [Там же]. Он использует всякого рода «заимствования, аллюзии и цитаты, напоминающие музыкальные сэмплы» [Там же]. В основу его стиля «положен гипотаксис, насыщенный ритмом, неназойливой музыкальностью» [Там же]. Таким образом, поясняет Шмидт, он и пытается не потерять из виду «след кошки». [Там же].

Лишь в конце книги Кошка получает слово от первого лица. В послесловии звучит полученный от прапрапрабабки Мины «совет» Кошки, преодолевшей шмидтовские «милиметауровни» [Schmidt 2025: 165]: «Ходить прямо, понимать людей!» [Там же].

На самом деле Кошка и Издатель меняются местами. Устами героини автор спешит дополнить то, что, как ему кажется, недостаточно четко проговорила Кошка. В итоге возникает мозаика из своеобразных мыслефрагментов.

Так, «<…> благодаря контрасту между художественной субъективностью и объективной реальностью возрождается романтическая металитература» [Schmidt 2025: 166.] Образованная кошка не может упустить случая напомнить читателю:

«Философ культуры Фридрих Шлегель в 238-м “Атенейском фрагменте” вдохновляет нас на создание *трансцендентальной поэзии*, которая – в кантовском смысле термина “трансцендентальный” – подразумевает размышления об условиях самореализации творца. Эту программу Шлегель хотел воплотить в жизнь, обратившись к характерной для модернистской литературы саморефлексии поэта» [Schmidt 2025: 166].

Ведь именно «поэтому романтическая литература» служит для нее (читай: для Шмидта) «синонимом прогрессивной универсальной поэзии» [Schmidt 2025: 166].

Прочитав у Новалиса «о *трансцендентальной поэзии*», Фелин с ученым видом объясняет, что «<…> у него это понятие, несмотря на общие терминологические корни, относится к “таинственному бытию вещей”; следовательно, эта загадка выходит за рамки феноменов, связанных с сознанием и объявляется <…> искусством возвышения духа *(Gemüterregungskunst)*. Все настоящие поэты, сами того не подозревая, естественным образом, а стало быть, трансцендентально “поэтизировались”» [Schmidt 2025: 166].

Фелин, прилежная ученица своего учителя Кузнеца, рассматривает «эту экопоэтическую перспективу как отход от объективистского взгляда на созданное человеком общество, для которого социальные факты – данность жизни»; вместо этого в этой книге она обращает внимание на «новые социальные тенденции» [Schmidt 2025: 167].

По мнению Кошки, «читатель не может полностью уйти от реальности в царство воображения и воспоминаний, где можно было бы обмениваться мыслями с архетипическим персонажем» [Schmidt 2025: 167].

Важно учитывать тот факт, напоминает Фелин, что «<…> с тех пор, как литература покинула ограниченный формат книги, она находит свое место и в “новых медиа”. Для интернет-издания принципиально важно расширение общепринятого понятия литература. Отдельно взятый текст – включая в качестве дополнения домашнюю страницу в интернете – связан с другими; при этом он становится цитатой из предыдущих текстов <…> поэтому при чтении гипертекста не может быть выделен какой-то один тип <…>» [Schmidt 2025: 166]. «Я буквально выпотрошила содержание понятия текст, – не без гордости заявляет Фелин. – Общественные структуры, система знаний, равно как и явления культуры, связаны с формами власти, которые устанавливают их значимость и иерархические связи. Центральный мотив этого “автосоциобиографического повествования” – то, как с помощью субверсивных и интервенционистских практик тот или иной порядок правления меняется или начинает использоваться для перегруппи-

ровки сил. Определяющую роль при этом играет анализ средств массовой информации, массовой культуры и текущей жизни» [Schmidt 2025: 167].

Или:

«Книга, которую я надиктовала, тоже изобилует литературными аллюзиями; прежде всего для этого “автосоциобиографического повествования” характерны ироническое, отчасти сатирическое преувеличение, критика арт-менеджмента, буржуазного общества – включая текущую политику.

Чтобы противостоять натиску реальности, предания Нехайма ищут нехоженые тропы *Holzweg* (ср. Хайдеггер), чтобы вдали от “нормальности” предаваться болезненной (мировоззренческой. – *Т. К.*) иронии <…>» [Schmidt 2025: 168, ср. также: Anonym].

«Автосоциобиографическое повествование (отданное на откуп Кошке. – *Т. К.*) пародирует как роман о художнике, так и автофикциональную форму романа становления, оно раздвигает границы этих жанров и включает в себя юмор, сатиру, иронию, позволяющие достичь более глубокого осмысления действительности. Автосоциобиографический нарратив предлагает читателю понять связь между разными стилями, жанровыми формами и умонастроениями» [Schmidt 2025: 168].

«Наряду с эпизодами, связанными с проблемами *глокальности* и “реальной виртуальности”, – признается читателю Фелин, – в моей книге присутствуют элементы черного юмора; это искусственно созданные композиционные разрывы, резкая смена стиля и экспериментальное смешение жанров, все, что служит к прояснению сюрреальной экзистенции в Зауэрланде» [Schmidt 2025: 168].

Разумеется, Кошке нельзя отказать в учености, несомненно, унаследованной от предков. Не возникает сомнений и в том, что «композиция» высказывания – результат полученных от Кузнеца уроков пародийного искусства. В качестве мультимедийного «продолжающегося» приложения к «побасенкам» Кошки Издатель предлагает читателю еще одну публикацию: «Schmieds Katze. Streetphotography von Martin Vanselow & Vertellstückskers von Johannes Schmidt aus 5760 Neheim» [Schmieds Katze].

## Источники

Гофман, Э. Т. А. Житейские воззрения кота Мурра / Э. Т. А. Гофман ; пер. с нем. К. Бальмонта. – Москва : Вече, 2018. – 477 с.

Письмо М. Хагедорна автору статьи от 18.04.2025 (Личный архив автора статьи).

KUNO. Kulturnotizen zu Kunst, Musik und Poesie. – URL: http://www.editiondaslabor.de/blog/ (mode of access: 04.10.2025).

Schmidt, J. Schmieds Katze / J. Schmidt. – Neheim an der Ruhr : Edition Das Labor, 2025. – 168 S.

Schmieds Katze. Streetphotography von Martin Vanselow & Vertellstückskers von Johannes Schmidt aus 5760 Neheim. – URL: http://schmieds-katze.de (mode of access: 03.01.2026).

Vorstellung // Schmieds Katze. Streetphotography von Martin Vanselow & Vertellstückskers von Johannes Schmidt aus 5760 Neheim. URL: http://schmieds-katze.de/2025/01/31/vorstellung/ (mode of access: 06.12.2025).

Wolf, Ch. Neue Lebensansichten eines Katers / Ch. Wolf // Unter den Linden. Drei unwahrscheinliche Geschichten. – Berlin ; Weimar : Aufbau – Verlag, 1974. – S. 61–96.

## Литература

Карельский, А. В. Мировоззренческая пародия как модель художественного сознания в немецкой литературе XIX–XX вв. / А. В. Карельский // Методологические проблемы истории и теории литературы. – Вильнюс : Вильнюсский университет, 1978. – С. 298–303.

Кудрявцева, Т. В. Семантика «нео-» в немецкой литературе рубежа XIX–XX вв. / Т. В. Кудрявцева // Новый филологический вестник. – 2019. – № 2 (49). – С. 290–300. – DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00051. – EDN XAZMLG.

*Anonym* Hoffmanns Schreiben als schmerzhafte (Selbst-)Erkenntnis // E. T. A. Hoffmann Portal. Staatsbibliothek zu Berlin. – URL: https://etahoffmann.staatsbibliothek-berlin.de/erforschen/charakteristisches/komik/#ironie (mode of access: 01.01.2026).

Harich, W. E. T. A. Hoffmann: Das Leben eines Künstlers : in 2 Bdn. Bd. 2 / W. Harich. – Berlin : Erich Reiß, 1922. – 402 S.

Hieber, J. Martin Walser. Der Romantiker vom Bodensee / J. Hieber. – Darmstadt : wbg Theiss, 2022. – 336 S. – ISBN 978-3-8062-4374-1.

Hüsten, mitten in Arnsberghttp. – URL: www.huesten.de/region-arnsberg/stadtteil-neheim/ (mode of access: 05.01.2026).

Joh. Rückblick: Schmieds Katze. Lesung aus „Schmieds Katze“ von Johannes Schmidt *(Edition Das Labor 2025)* // Literarische Gesellschaft Arnsberg. – URL: https://literatur-arnsberg.de/lesung-schmieds-katze-23-april-25/ (mode of access: 03.12.2025).

Stahl, E. Diskursdisko. Über Literatur und Gesellschaft / E. Stahl. – Berlin : Verbrecher Verlag, 2019. – 176 S. – ISBN 978-3-95732-429-0.

Takeda, A. Blumenreiche Handelswege: Ost-westliche Streifzüge auf den Spuren der Fabel *Der Skorpion und der Frosch* / A. Takeda // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. – 2011. – Vol. 85, no. 1. – S. 124–152.

Weigoni A. J. (1958–2021) // Kalliope Verbundkatalog. – URL: https://kalliope-verbund.info/gnd/120716488 (mode of access: 12.12.2025).

## References

*Anonym* Hoffmanns Schreiben als schmerzhafte (Selbst-)Erkenntnis. *E. T. A. Hoffmann Portal. Staatsbibliothek zu Berlin*. Available at January 1, 2026 from https://etahoffmann.staatsbibliothek-berlin.de/erforschen/charakteristisches/komik/#ironie.

Harich, W. (1922). E. T. A. Hoffmann: Das Leben eines Künstlers, in 2 Bdn. Bd. 2. Berlin: Erich Reiß, 402 S.

Hieber, J. (2022). Martin Walser. Der Romantiker vom Bodensee. Darmstadt: wbg Theiss, 336 S. ISBN 978-3-8062-4374-1.

Hüsten, mitten in Arnsberghttp. Available at January 5, 2026 from www.huesten.de/region-arnsberg/stadtteil-neheim/.

Joh. Rückblick: Schmieds Katze. Lesung aus „Schmieds Katze" von Johannes Schmidt *(Edition Das Labor 2025)*. *Literarische Gesellschaft Arnsberg*. Available at December 3, 2025 from https://literatur-arnsberg.de/lesung-schmieds-katze-23-april-25/.

Karelsky, A. V. (1978). Mirovozzrencheskaya parodiya kak model' khudozhestvennogo soznaniya v nemetskoy literature XIX–XX vv. = Ideological parody as a model of artistic consciousness in German literature of the 19th–20th centuries. *Methodological problems of literary history and theory*, 298–303. Vilnius: Vilnius University.

Kudryavtseva, T. V. (2019). Semantika «neo-» v nemetskoy literature rubezha XIX–XX vv. = The semantics of "neo-" in German literature at the turn of the 19th and 20th centuries. *New Philological Bulletin*, *2*(49), 290–300. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00051. EDN XAZMLG.

Stahl, E. (2019). Diskursdisko. Über Literatur und Gesellschaft. Berlin: Verbrecher Verlag, 176 S. ISBN 978-3-95732-429-0.

Takeda, A. (2011). Blumenreiche Handelswege: Ost-westliche Streifzüge auf den Spuren der Fabel *Der Skorpion und der Frosch*. *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*, *85*(1), 124–152.

Weigoni A. J. (1958–2021). *Kalliope Verbundkatalog*. Available at December 12, 2025 from https://kalliope-verbund.info/gnd/120716488.

**Данные об авторе**

Кудрявцева Тамара Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Российская Федерация, г. Москва, muchina@yandex.ru

**Author's information**

Kudryavtseva Tamara Viktorovna – Doctor of Philology, Chief Researcher of Department Literature of Europe and America of Modern Times, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Moscow

Дата поступления: 12.01.2026; дата публикации: 31.10.2026

Date of receipt: 12.01.2026; date of publication: 31.10.2026